

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

НОВЫЙ ДОЗОР

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Дозоры Сергея Лукьяненко»
Художник *А. Гайворонская*
Компьютерный дизайн *Ольги Жуковой*

Лукьяненко, Сергей Васильевич.
Л84 Новый Дозор : [фантастический роман] / Сергей
Лукьяненко. — Москва : Издательство АСТ, 2024. —
384 с. — (Дозоры Сергея Лукьяненко).

ISBN 978-5-17-118480-3

Ночной Дозор, Дневной, Сумеречный и, наконец,
Последний.

Все? Существует ли конец Пути?

Нет!

Читайте «Новый Дозор»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118480-3

© С. В. Лукьяненко, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Моим родителям

Данный текст сомнителен для Дела Света.

Ночной Дозор

Данный текст сомнителен для Дела Тьмы.

Дневной Дозор

Часть первая СМУТНЫЕ ЦЕЛИ

Пролог

Старший сержант Дима Пастухов был хорошим полициаем.

Случалось, конечно, что он воспитывал обнаглевших пьяниц мерами, не предусмотренными уставом, — к примеру, хорошими зуботычинами или пинками. Но только в том случае, когда пьяница всерьез начинал качать права или отказывался следовать в вытрезвитель. Дима не брезговал пятихаткой, вытрясенной у не имеющего регистрации хохла или чурека, — в конце концов, если зарплата полицейского такая нищенская, пусть нарушители платят штраф ему лично. Он ничего не имел против, когда в забегаловках на подотчетной территории ему вместо стаканчика воды наливали рюмочку коньяка, а с сотни давали тысячу рублей сдачи.

В конце концов, служба есть служба. Она и опасна, и трудна. И на первый взгляд как будто не видна. Должно быть материальное поощрение.

Но зато Дима никогда не выбивал денег с проституток и сутенеров. Принципиально. Было что-то в воспитании, мешающее этим заниматься. Слегка подвыпивших, но сохранивших рассудок граждан Дима зазря в вытрезвитель не тащил. А узнав о реальном преступле-

нии — не раздумывая бросался в погоню за грабителями, честно искал улики, подавал рапорта о мелких кражах (если пострадавшие настаивали, конечно), старался запомнить лица тех, кого «разыскивает полиция». У него были на счету задержанные, включая настоящего убийцу — зарезавшего вначале любовника жены, что простительно; потом жену, что понятно; а потом бросившегося с ножом на соседа, который и сообщил ему о неверности супруги. Возмущенный такой неблагодарностью сосед заперся в квартире и позвонил в «нольдва». Приехавший на вызов Пастухов задержал убийцу, бессильно колотящего в железную дверь хилыми, пусть и перемазанными в крови интеллигентскими кулачками, а потом долго боролся с желанием вытащить на лестницу соседа-provokatora и начистить ему физиономию.

Так что Дима считал себя хорошим полицейским — и был не так уж далек от истины. На фоне некоторых коллег он выглядел прилежным, словно милиционер Свистулькин из старой книжки про Незнайку в Солнечном городе.

Единственное пятно в служебной биографии Димы относилось к январю девяносто восьмого года, когда он, совсем еще молодой и зеленый, патрулировал вместе с сержантом Каминским район ВДНХ. Каминский был вроде как наставником молодого милиционера (тогда еще они назывались милиционерами, или попросту «ментами», не было ни модного «полицейского», ни обидного «полицая») и этой своей ролью очень гордился. В основном его советы и назидания сводились к тому, как и где можно легко подзаработать. Вот и в тот вечер, увидев спешащего из метро в переход молодого пьяненького мужика (даже в руке у него была початая чекушка дешевой водки), Каминский радостно присвистнул, и напарники двинулись наперехват. По

всему было ясно, что пьяница сейчас расстанется с полтинником, а то и со столовником.

Но что-то не заладилось. Чертовщина какая-то началась. Пьяненький посмотрел на них неожиданно трезвым взглядом (трезвым-то трезвым, только во взгляде было что-то страшноватое, дикое, будто у давно разuverившейся в людях дворовой собаки) и посоветовал напарникам напиться самим.

И они послушались. Пошли к ларькам (последние годы ельцинского бардака истекали, но водку еще продавали прямо на улице) и, хихикая как ненормальные, купили по бутылочке — такой же, как у пьяницы, подавшего дельный совет. Потом еще по одной. И еще.

Через три часа их, веселых и остроумных, забрал с улицы свой же патруль — и это спасло Пастухова и Каминского. Влетело им не по-детски, но из милиции все-таки не выперли. Каминский с тех пор совсем завязал и божился, что встречный пьяница был гипнотизером или даже экстрасенсом. Пастухов напраслину на мужика не возводил и пустых догадок не строил. Но запомнил его крепко.

Исключительно с той целью, чтобы не попадаться на пути.

То ли дурацкая и позорная пьянка так запомнилась, то ли в Пастухове прорезались неожиданные способности, но через какое-то время он стал замечать и других людей со странными глазами. Для себя Пастухов называл их «волками» и «псами».

У первых во взгляде было спокойное равнодушие хищника — не злобное, нет, волк задирает овцу без злобы, а скорее даже с любовью. Таких Пастухов просто сторонился, стараясь при этом не привлечь внимания.

У вторых, больше похожих на давнего молодого пьянчужку, был собачий взгляд. Иногда виноватый, иногда терпеливо-заботливый, иногда грустный. Пас-

тухова смущало только одно: собаки так смотрят не на хозяина, а в лучшем случае на хозяйского детеныша. Поэтому Пастухов сторонился и их тоже.

Довольно долго это ему удавалось.

Если дети — цветы жизни, то этот ребенок был цветущим кактусом.

Орать он начал, едва войдя в разошедшиеся двери «Шереметьево D». Красная от злости и стыда мать (очевидно, крик возобновлялся не в первый раз) тащила его за руку — но мальчишка, откинувшись назад, упирался обеими ногами и вопил:

— Не хочу! Не хочу! Не хочу лететь! Мамочка, не надо! Мамочка, не хочу! Мамочка, самолет упадет!

Мать отпустила руку — и мальчишка грохнулся на пол, где и остался сидеть: толстый, зареванный, некрасивый ребенок лет десяти, одетый чуть легче, чем следовало бы по московской июньской погоде, — явно полет предстоял в теплые края.

Метрах в двадцати от них сидящий за столиком кафе мужчина приподнялся, едва не опрокинув недопитую кружку пива. Несколько мгновений смотрел на мальчишка и что-то толковывающую ему мать. Потом сел и негромко сказал:

— Это ужасно. Это просто кошмар.

— Я тоже так считаю, — поддержала его молодая женщина, сидевшая напротив. Отставила чашку кофе и неприязненно посмотрела на мальчишку. — Я бы даже сказала — омерзительно.

— Ну, омерзительного я тут ничего не вижу, — мягко сказал мужчина. — Но что ужасно... это вне всяких сомнений...

— Лично я... — начала девушка, но умолкла, увидев, что мужчина ее не слушает.

Он достал телефон, набрал номер. Негромко сказал:

— Мне требуется первый уровень. Первый или второй. Нет, не шучу. Поищите...

Прервав связь, он посмотрел на девушку и кивнул:

— Извините, срочный звонок... Что вы говорили?

— Лично я — чайлд-фри, — сказала девушка с вызовом.

— Свободны от детей? Бесплодны, что ли?

Девушка замотала головой:

— Распространенное заблуждение! Мы, чайлд-фри, против детей, потому что они порабощают. Надо выбирать — либо ты свободная гордая личность, либо социальный придаток к механизму воспроизводства населения!

— А... — кивнул мужчина. — А я было подумал... проблемы со здоровьем. Хотел посоветовать хорошего врача... Ну а секс вы признаете?

Девушка заулыбалась:

— Ну разумеется! Что мы, асексуалы какие-то? Секс, супружеская жизнь — все это хорошо и нормально. Просто... связывать себя с этими орущими, бегающими...

— Гадящими, — подсказал мужчина. — Они ведь еще гадят непрерывно. И сами даже задницу подтереть не могут поначалу.

— Гадящими! — согласилась девушка. — Именно так! Провести лучшие годы за обслуживанием нужд неразвитых человеческих особей... Надеюсь, вы не собираетесь читать мне мораль и убеждать, что я одумаюсь и заведу кучу ребятишек?

— Нет, не собираюсь. Я вам верю. Я абсолютно убежден, что вы доживете жизнь бездетной.

Мимо прошел мальчишка с матерью — то ли слегка успокоившийся, то ли, что вероятнее, просто смирившийся с тем, что полет состоится. Мать вполголоса выговаривала сыну — доносилось что-то про теплое море, про хороший отель и корриду.

— О Господи! — воскликнула девушка. — Они еще и в Испанию... похоже, мы одним рейсом. Вы представляете, три часа слышать истерические визги этого маленького жирдяя?

— Полагаю, что не три, — сказал мужчина. — Час десять, час пятнадцать...

На лице девушки появилось легкое презрение. Мужчина выглядел вполне успешным, как можно не знать при этом самых банальных вещей...

— До Барселоны самолет летит три часа.

— Три двадцать. Но допустим...

— А вы куда летите? — Девушка стремительно утрачивала к нему интерес.

— Никуда. Я провожал приятеля. Потом присел выпить кружку пива.

Девушка поколебалась.

— Тамара. Меня зовут Тамара.

— Меня зовут Антон.

— У вас ведь наверняка нет детей, Антон? — спросила Тамара, все никак не желая расставаться с любимой темой.

— Ну почему же? Есть. Дочка. Наденька. Ровесница этого... жирдяя.

— То есть позволить супруге остаться здоровой и свободной женщиной вы не захотели? — усмехнулась Тамара. — Кто она у вас?

— Супруга?

— Ну не дочка же...

— По образованию — врач. А так... волшебница.

— Вот что я в вас, мужиках, не люблю, — вставая, произнесла Тамара, — так это пошлые красоты. «Волшебница»! А сами довольны небось, что она у плиты горбатится, пеленки стирает, ночей не спит...

— Доволен. Хотя пеленки сейчас никто не стирает, подгузники давно в ходу.

При слове «подгузник» лицо девушки перекошилось, будто ей предложили съесть пригоршню тараканов. Она подхватила сумку и не прощаясь пошла к стойке регистрации.

Мужчина пожал плечами. Взял телефон, поднес к уху — и тот немедленно зазвонил.

— Городецкий... Совсем? Нет, третий уровень никак. Полный чартер до Барселоны. Можно принять, что это второй... Нет?

Он помолчал. Потом сказал:

— Тогда мне одно седьмое. Нет, вру. У мальчишки дар предвидения второго-первого уровня. Темные упругие рога... Одно вмешательство пятого уровня — изменение судьбы одного человека и одного Иного... Хорошо, запишите на меня.

Он встал, оставив недопитый бокал на столе. Пошел к стойке регистрации, где рядом с матерью, замершей с каменным лицом в очереди, нервно переминался с ноги на ногу толстый мальчишка.

Мужчина прошел мимо контроля (почему-то его никто даже не попробовал остановить), приблизился к женщине. Вежливо кашлянул. Поймал ее взгляд. Кивнул.

— Ольга Юрьевна... Вы забыли выключить утюг, когда утром гладили Кеше шортики...

На лице женщины отразилась паника.

— Вы можете улететь вечерним чартером, — продолжал мужчина. — А сейчас вам лучше съездить домой.

Женщина дернула сына за руку — и рванулась к выходу. Мальчик, про которого она, похоже, напрочь забыла, широко раскрытыми глазами смотрел на мужчину.

— Хочешь спросить, кто я и почему твоя мама мне поверила? — спросил мужчина.

Глаза мальчика затуманились — будто посмотрели не то внутрь, не то куда-то далеко-далеко наружу, куда

не стоит заглядывать воспитанным детям (впрочем, и невоспитанным взрослым туда смотреть без нужды не стоит).

— Вы Антон Городецкий, Высший Светлый маг, — сказал мальчик. — Вы отец Надьки. Вы... вы нас всех...

— Ну? — с живым интересом спросил мужчина. — Ну, ну?

— Кеша! — завопила внезапно вспомнившая о сыне женщина. Мальчик вздрогнул, туман в его глазах рассеялся. Он сказал:

— Только я не знаю, что все это значит... Спасибо!

— Я вас всех... — задумчиво сказал мужчина, наблюдая, как женщина с ребенком несется вдоль стеклянной стены аэропорта к стоянке такси. — Я вас всех люблю. Я вас всех убью. Я вас всех достал. Я вас всех... Как же я вас всех...

Он развернулся и неторопливо пошел к выходу. На входе в «зеленый коридор» остановился и посмотрел на очередь, выстроившуюся к стойке регистрации на Барселону.

Очередь была большая и шумная. Люди летели отдыхать к морю. В очереди было много детей, много женщин, много мужчин и даже одна девушка чайлд-фри.

— Спаси вас Бог, — сказал мужчина. — Я не могу.

Дима Пастухов как раз достал зажигалку, чтобы дать прикурить своему напарнику Бисату Искендерову. Своя зажигалка у того была — просто уж так у них повелось. Доставал сигарету Дима — за огоньком лез Бисат. Собирался закурить азербайджанец — зажигалку подносил Дима. Если бы Пастухов был склонен к интеллигентской рефлексии, он мог бы сказать, что таким образом они демонстрируют друг другу взаимное уважение, несмотря на расхождение по очень многим взглядам — начиная от национальных проблем и кон-

чая тем, какая машина круче — «Мерседес-ML» или «БМВ-Х3».

Но Дима к таким размышлениям склонен не был, ездили они с Бисатом на «фордах», немецкое пиво предпочитали русской водке и азербайджанскому коньяку, а относились друг к другу достаточно дружески. Так что Дима нажал на кнопку, извлекая крошечный язычок пламени, мимолетно глянул на выход из аэропорта — и выронил зажигалку, к которой уже тянулась сигарета приятеля.

Из дверей зала отлета выходил «пёс». Нестрашный, интеллигентного вида мужчина средних лет. К таким Пастухов привык, но это был не просто «пёс» — а тот самый... с ВДНХ... из далекого-далекого прошлого... Сейчас он пьяным не выглядел, скорее — немного похмельным.

Пастухов отвернулся и стал медленно нашаривать на земле зажигалку. Мужчина с глазами сторожевого пса прошел мимо, не обратив на него никакого внимания.

— Пил вчера? — сочувственно спросил Бисат.

— Кто? — пробормотал Пастухов. — А... нет, просто зажигалка скользкая...

— У тебя руки трясутся, и ты белый весь стал, — заметил напарник.

Пастухов наконец-то дал ему прикурить, краем глаза проследил, что мужчина уходит к автостоянке, достал сигарету и закурил сам — не дожидаясь Бисата.

— Чёт ты странный... — сказал Бисат.

— Да, выпил вчера, — пробормотал Пастухов. Снова посмотрел на здание аэропорта.

Теперь оттуда выходил «волк». С уверенным хищным взглядом и твердой походкой. Пастухов отвернулся.

— Хаш надо есть поутру, — наставительно сказал Бисат. — Только правильный хаш, наш. Армянский — отравя!